

Пыль, запах, колдовство

Горячий порыв ветра обрушился на город Ахетатон — «Горизонт Атона». Он принес ко Дворцу царицы кисловатые запахи пивоварен и почти осязаемые ароматы пекарен. Жизнь продолжалась, а это значит, что будут еще нужны людям и хлеб, и пиво.

Зашелестели пальмы, и Великая Река покрылась рябью. На улицах новой столицы, которая осмеливалась соперничать со старой — Фивами, клубы пыли водили хороводы, дразня котов. На одной из террас Дворца царицы, находящегося недалеко от Царского, возле парапета стояла хрупкая фигурка — это была одиннадцатилетняя принцесса Анхесенпаатон. Ее изящный силуэт склонился над миром камней, людей и животных, над миром, который был закрыт для нее и который она видела только с высоты. Лишь с этой террасы она могла смотреть на владения своего отца.

Она рассматривала большую улицу, разделяющую дворцы, Великую Реку, которую много позже будут называть Нилом, еще один дворец напротив, Царский дом и немного севернее — ансамбль административных зданий. Ее губы, напоминающие фрукт кораллового цвета, разделенный на две половинки, приоткрылись от удивления. Такое скопление людей на набережной она впервые видела три дня назад, когда умер ее отец, фараон Эхнатон — «Действенный дух Атона». Но люди все прибывали: смерть фараона — большое потрясение для всех, особенно такого фараона, как Эхнатон. Это событие никого не оставило равнодушным: ни наместников в провинциях — номах — и их заместителей, ни чиновников, ни писарей всех рангов, ни землевладельцев, прибывших на кораблях, ни командиров гарнизонов, скакавших сюда во весь опор. Люди прибывали сюда со всех концов долины Великой Реки

для воздания почестей останкам фараона. Ни в одной харчевне города не осталось свободного ложа; горожане сдавали даже крыши своих домов, а пивовары — зернохранилища.

Но были и такие, кто приехал с коварными планами. И, вне всякого сомнения, воры. Они спали под открытым небом, подстерегая подвыпивших завсегдатаев кабаков.

В срочном порядке предусмотрительными владельцами кабаков были приглашены танцовщицы из Хебену, Оксиринка и Гераклеополя. О том, что востребованы не только их артистические таланты, Анхесенпаатон не знала.

В толпе даже были замечены жрецы из Фив и Мемфиса, несмотря на то что между ними и фараоном в последнее время возник конфликт, ведь Эхнатон отказался от их богов, провозгласив единым богом лучезарного Атона, олицетворением которого был солнечный диск. Он и город назвал в его честь.

На самом деле всю знать интересовало лишь одно: кто будет преемником фараона. По всей видимости, им должен был стать регент Сменхкара.

Анхесенпаатон хотела спуститься, чтобы посмотреть на прибывших вблизи и поиграть с мальчишками ее возраста, которые со смехом гонялись друг за другом. Но принцессе крови, Третьей жене фараона не пристало было просто так выходить на улицу. «Как ты можешь водиться с простолюдинами!» — возмущалась ее старшая сестра Макетатон. Анхесенпаатон считала это притворством, она подозревала, что ее сестру и одну из молодых рабынь из Куша связывает крепкая дружба. Это было очаровательное создание, но такие игры Анхесенпаатон были неинтересны.

— Я умру от тоски! — воскликнула она.

От Царского дворца время от времени доносились крики плакальщиц. Анхесенпаатон, и сама готовая заплакать в любую минуту, тревожно прислушивалась.

Она все старалась отогнать всплывающую перед глазами ужасную картину: как их с сестрами привели к телу фараона. Труп был просто отвратителен!

Она еще больше расстроилась, когда вспомнила о шушуканьях, которые расплозились по Дворцу царевен со скоростью сколопендр. Каждый раз при ее появлении кормилицы и служанки мгновенно замолкали.

— Что за разговоры вы ведете?

— Что вы! Мы оплакиваем фараона, — лицемерно вздыхая, отвечали те.

Но все-таки, почему эти нахалки замолкали?

Новый порыв ветра обрушился на город. На этот раз он принес горную пыль и бросил ее на ряды носилок и животных, сея разброд и смятение среди ослов и лошадей, которые успокаивались только ночью. Лошадь одного из военных с белыми страусиными перьями на шлеме поднялась на дыбы и стала лягаться, заревели ослы, раздались ругательства, и на дорогу упали горячие лошадиные лепешки. По словам кормилицы, такие ветры всегда бывают в день весеннего равноденствия, когда небесные духи начинают сражение в горах. Учитель же объяснял, что это божественный сокол Хорус взмахом крыла дает толчок возрождению природы, оттого и возникают песчаные бури. В действительности это было очень смелое заявление, потому что Хорус не считался божеством в Ахетатоне.

В любом случае результатом всех этих высших волнений была покрывающая все вокруг пыль.

Анхесенпаатон сморщилась, выплюнула скопившуюся во рту пыль и побежала во внутренние покои дворца. Пол скрипел под ее ногами. Пальцы на ногах, своей формой напоминающие лепестки миндального дерева, были серыми от пыли.

— Проклятая пыль! Полный рот этой мерзости! Это хуже, чем дыхание, вырывающееся из ноздрей Апопа!

Сейчас она была похожа на свою сестру Меритатон, когда та гневалась при появлении Главного дворцового смотрителя. Это был страдающий ожирением служитель, употребляющий к тому же каждый день чеснок и запивающий его огромным количеством вина.

— Я же просила тебя не выходить, — проворчала кормилица, лоя брошенный на ходу парик молодой госпожи.

Сначала она встряхнула его, затем расчесала плоской щеткой из конского волоса. А принцесса в это время была занята вытряхиванием пыли из складок своего платья.

Анхесенпаатон схватила маленький глиняный горшок с водой, залпом осушила его, прополоскала рот, после чего отдернула тяжелый ковер, скрывающий дверь и якобы защищающий от проникновения пыли. За дверью обнаружилась еще одна терраса, с которой открывался вид на Великую Реку. Отсюда юная принцесса выплюнула воду в сад. Вернувшись, она, приподнимая на ходу платье, направилась в ванную комнату, села на инкрустированный кедровым деревом горшок и стала слушать, как моча ударяет в его дно. После этого она, крайне раздраженная, вернулась в большой зал на первом этаже Дворца царевен. Там она присоединилась к своим пяти сестрам, которым было от четырех до семнадцати лет. Вокруг них суетились шесть кормилиц и сорок восемь рабынь.

— Сильный ветер разбудил демонов, они покинули свои логова и явились, чтобы мучить людей, — говорила одна из кормилиц.

Рабыни мыли каменные плиты, ароматизировали горшки парами ладана, собирали белье, чтобы отнести его в стирку, бросали благовония на жаровни.

Все рабыни, девушки нежного возраста — от пятнадцати до шестнадцати лет, — были полностью обнажены. И только те, у кого были регулярные женские очищения, носили на бедрах полотняные подвязки треугольной формы, в них заворачивали тряпичные прокладки, которые по требованию Меритатон девушки должны были менять три раза в день.

Снова оживились мухи.

Анхесенпаатон надела приготовленный кормилицей парик. Он был прямой и короткий — по нубийской моде. Ей не нравились эти новомодные пышные прически с локонами, такие носили жены высокопоставленных чиновников, стремящиеся казаться утонченными. Посмотревшись в зеркало из полированного серебра, царевна убедилась, что парик сидит хорошо и что контур, наведенный вокруг глаз, не смазан, несмотря на то что

кожа была влажной. Затем она принялась обмахиваться веером с ручкой из слоновой кости.

— Плакальщицам не надо будет специально посыпать себя пылью, — заметила Меритатон и прихлопнула своей золоченой сандалией жирную муху, ползущую к ее ногам.

Брови сестры Макетатон, которая была младше Меритатон, от удивления поползли вверх. А четвертая и пятая принцессы — Нефернеферуатон и Нефернеферур — захихикали. Сетепенра же была еще слишком юной, чтобы заметить эту дерзость, а третья принцесса царской династии, Анхесенпаатон, едва удержалась от смеха. Старшая кормилица бросила укоризненный взгляд на свою подопечную — Первую царевну, но ничего не сказала, и вот почему: четыре года назад состоялась церемония бракосочетания царевны Меритатон с ее собственным отцом без одобрения матери. С тех самых пор она являлась Первой царской женой, а значит, именно она выйдет замуж за преемника Эхнатона. Нужно быть сумасшедшим, чтобы сознательно навлечь на себя немилость будущей царицы.

Также не следовало вызывать гнев Второй и Третьей царевен, ведь они тоже являлись царскими женами и законными продолжательницами династии. Это значит, что их мужья могли полноправно называться Царями Двух Земель. А настроение у Анхесенпаатон сегодня было как у кошки, запертой в клетке.

Две младшие сестры — Нефернеферур и Сетепенра — играли в куклы. Кормилицы делали вид, что не замечают этого: во время траура игры были неуместны. Но вот уже три дня девочки не покидали дворец, так что им позволили немного позабавиться. Утренние уроки, конечно же, были отменены.

Деревянная собака сдвигающимися лапами, коза на колесиках и миниатюрная тележка, в которой сидела кукла — все это валялось тут же, на полу.

— Моя голова сейчас расколется! — простонала одна из кормилиц, усаживаясь возле стены.

— Это демон Шехакек, — с уверенностью заявила кормилица царевны Макетатон. — Он скитается вместе с песчаными бурями